

АДАПТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Марина Николаевна Степанова

Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия, Челябинск, Россия
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса адаптации конституционной идентичности государств к вызовам современности. В ней рассматривается эволюция понятия идентичности и её значение в рамках конституционной структуры государства. Основное внимание уделено механизмам и причинам изменений конституционной идентичности, которые могут быть как преднамеренными, так и непредвиденными, а также роли политической динамики и внешнего давления в этом процессе. Авторы анализируют ряд конституционных реформ в различных странах за последние пять лет, подчеркивая разнообразие целей и содержания этих реформ. Также в статье освещается двойственный характер трансформации идентичности в контексте международных отношений и важность поддержания аутентичности конституционной идентичности в процессе адаптации к новым вызовам.

Ключевые слова: конституционная идентичность, адаптация, современные вызовы, конституционные реформы, политическая динамика, международные правовые отношения, аутентичность, суверенитет, национальные ценности, международные обязательства

Для цитирования: Степанова М. Н. Адаптация конституционной идентичности государства к вызовам современности: анализ и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 23–28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28

Research article

ADAPTING THE CONSTITUTIONAL IDENTITY OF THE STATE TO MODERN CHALLENGES: ANALYSIS AND PERSPECTIVES

Marina N. Stepanova

Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Abstract. This article examines the process of adapting the constitutional identity of states to modern challenges. It considers the evolution of the concept of identity and its significance within the constitutional fabric of the state. The paper focuses on the mechanisms and causes of changes in constitutional identity, which can be either deliberate or unforeseen, and the role of political dynamics and external pressures in this process. The authors analyze a number of constitutional reforms in different countries over the past five years, highlighting the diversity of both the goals and the content of these reforms. The article also explores the dual nature of identity transformation in the context of international relations and the importance of preserving the authenticity of constitutional identity while adapting to new challenges.

Keywords: constitutional identity, adaptation, modern challenges, constitutional reforms, political dynamics, international legal relations, authenticity, sovereignty, national values, international commitments

For citation: Stepanova MN. Adapting the constitutional identity of the state to modern challenges: analysis and perspectives. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):23-28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28 (In Russ.)

Введение

В современном мире государства сталкиваются с беспрецедентным набором вызовов, которые требуют адаптации их конституционных устоев и идентичности. Глобализация, интеграция, антиглобализация, переход к цифровой экономике и различные глобальные кризисы оказывают существенное влияние на материальное и идентичное бытие государств. В ответ на эти вызовы, конституционная идентичность государства — его основополагающие ценности, принципы и нормы, закрепленные в Конституции, должны адаптироваться, чтобы обеспечить стабильность, развитие и интеграцию в международное сообщество, соблюдая при этом свои уникальные традиции и культурные особенности. Настоящая статья посвящена анализу процессов адаптации конституционной идентичности Российской Федерации к вызовам современности, изучению основных факторов, влияющих на этот процесс, и определению перспектив его развития.

Материал и методы

Для достижения целей исследования был применен комплексный подход, основанный на анализе нормативно-правовых документов, в том числе Конституции Российской Федерации, а также на изучении теоретических работ отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся на проблематике конституционной идентичности, глобализации и международного права. Был проведен обзор и анализ актуальных научных статей и монографий, затрагивающих вопросы адаптации национального законодательства и конституционной практики к меняющимся условиям мирового сообщества. Особое внимание уделено изучению международного опыта и рекомендаций международных организаций, способствующих эффективной интеграции государств в условиях глобализации. Для анализа использовались методы сравнительного правоведения, исторического и логического анализа. В качестве важного инструмента исследования применялись кейс-методы, позволяющие проанализировать конкретные случаи адаптации конституционных норм и практик в ответ на современные вызовы.

Описание исследования

В самом широком смысле слова термин «идентичность» (происходящий от латинского слова *idem*, что означает «то же самое») может быть описан как полное совпадение или абсолютная одинаковость. Что-то считается идентичным самому себе, когда, независимо от разнообразия ситуаций и условий, оно неизменно сохраняет свою первоначальную сущность, допуская возможность его распознавания как нечто неизменное. Термин «идентичность» находит применение во множестве научных областей, при этом в каждой из них он обретает как универсальные, так и уникальные значения. Несмотря на огромное количество существующих работ по этой теме, понятие идентичности продолжает

оставаться чрезвычайно обширным и подверженным изменениям в своем значении [3, с. 32–33].

В своем исследовании Г. В. Вайпан и А. С. Маслов подчеркивают важность того, чтобы понятие конституционной идентичности занимало ключевое место в рамках конституционной теории. Он указывает на то, что, несмотря на скептицизм многих теоретиков относительно возможности того, что идентичность может выходить за рамки удобно используемого понятия для достижения определенных политических и конституционных целей, это понятие несет в себе значительный вес. Термин «конституционная идентичность», хоть и кажется сугубо академическим, и важным на слух, обладает такой же степенью неопределенности. В научном сообществе и судебной практике в области конституционного права оно применяется в широком спектре контекстов с разнообразными намерениями [5, с. 131–133].

Эрик Эриксон, выдающийся представитель психологической науки и один из ведущих исследователей в области идентичности, подчеркивал, что с каждой новой работой, посвященной теме идентичности, очевидность ее многоаспектности и комплексности только усиливается. Он утверждал, что адекватное определение данного понятия возможно лишь через осмысление контекстов, в которых его применение является неизбежным. В духе этого подхода предлагается осмыслить сущность и важность концепции «конституционная идентичность» в рамках конституционной теории, а также разобраться, почему данная концепция остается неотъемлемой при анализе изменений в конституции [9].

В научной дискуссии обозначается дифференциация между терминами «конституционная идентичность» и «идентичность конституции». Определение первого термина подразумевает в себе представление национальной конституционной идентичности как своего рода «культурного кода нации», который инкорпорируется в конституционные нормы, неформализованные принципы и судебные доктрины [1, с. 196–197]. В контексте второго термина обсуждаются специфические разделы и статьи конституции, отличающиеся высоким уровнем устойчивости к изменениям. В соответствии с принципом Уильяма Оккама о ненужности умножения сущностей без крайней необходимости, в рамках настоящего исследования предлагается рассматривать упомянутые понятия как идентичные, исходя из предположения, что введение такого различия не несет существенного значения для данного анализа.

Необходимо подчеркнуть, что концепция конституционной идентичности демонстрирует отличие от национальной идентичности, а также от других аналогичных предконституционных и внеконституционных идентичностей. Эта идентичность складывается как в оппозиции к национальной идентичности, так и в ее утверждении. В более широком понимании, конституционная идентичность неизбежно находится в постоянном диалоге и динамическом взаимодействии

с другими соответствующими формами идентичности. У каждой этносоциальной группы присутствует своя уникальная национальная идентичность или «дух народа», о чем упоминал Ф. К. фон Савиньи в контексте правовой сферы, оказывающий влияние как на процесс создания права, так и на его применение. В этом контексте предпочтение отдается надежде, что в конституционных принципах цивилизованных обществ первоочередно отражаются основополагающие принципы конституционализма, а культурные коды нации интегрируются в последующем порядке. Для детализации влияния национальных и культурных аспектов в области конституционного права были введены понятия «конституционная культура» и «конституционная традиция», которые более точно описывают сущность обозначенных процессов [7, с. 53].

Также привлекает внимание разнообразие определений, приписываемых понятию «идентичность» в различных научных разговорах, включая государственную, национальную и конституционную идентичности. Это разнообразие объясняется переносом фокуса внимания на различные аспекты государства и его сущности, а также переводами научных работ.

Этот вопрос становится еще более спорным из-за его изменчивости и открытости к влиянию разнообразных факторов. Государственная идентичность не является чем-то застывшим и непреложным. Наоборот, она постоянно меняется, будь то по собственной инициативе или под внешним давлением. Позитивные изменения часто являются отголоском социального прогресса, научных открытий и технологического развития. Тогда как изменения под давлением обстоятельств обычно происходят в ответ на различные кризисы, включая экономические, эпидемиологические и политические ситуации [6, с. 68].

Преобразование идентичности в контексте международных правовых отношений часто носит двойственный характер, порой происходя под внешним давлением, а иногда иницируемое самим государством. В этом аспекте особое внимание уделяется вопросам конституционных и национальных идеалов, выполнению решений межгосударственных организаций, следованию указаниям международной общественности, разночтениям в интерпретации прав человека как на глобальном, так и на национальном уровне [2, с. 112]. Это включает в себя определение границ таких разночтений государством и их признание. В частности, утверждая важные интересы государства, общества и личности, государство поддерживает общенациональные и государственные ценности, выделяя среди прочего территорию, суверенитет, народ с его историей и культурой. Под ценностями понимаются ключевые, значимые блага и характеристики, которые государства могут не всегда закреплять на уровне конституции, признавая вместо этого те, что определены международно признанными стандартами и принципами. Разнообразие конституционных и национальных ценностей подтверждает мнение о том, что до сих пор аксиология конституции

не достигла полного развития в вопросах определения, значимости и классификации ценностей.

Каждый из упомянутых вопросов, вызывающих проблемы, требует детального разбора в свете современных вызовов.

Изучение явления конституционной идентичности в российской юриспруденции началось сравнительно недавно. Подавляющее большинство исследований, касающихся конституционной идентичности, появились не ранее 2016 года. Этот период совпадает с временем, когда термин впервые был применен в деятельности Конституционного Суда РФ [11].

Первая сложность, с которой исследователи сталкиваются при попытке определить исследовательскую область, как было отмечено ранее, связана с разнообразием и нестабильностью используемой терминологии. Это может указывать, во-первых, на относительно недавнее появление проблематики государственной и конституционной идентичности, а также на её недостаточное изучение или неразработанность на практическом уровне. Во-вторых, это может быть связано с желанием быстро адаптировать и включить в оборот знания, накопленные другими научными традициями, включая иностранные [10].

Одним из основных испытаний при попытке разобраться и осмыслить значения терминов «государственная идентичность», «национальная идентичность» и «конституционная идентичность государства» является их визуальное сходство. Однако несмотря на кажущуюся схожесть, данные понятия имеют совершенно различную природу и уровень. Основное отличие между этими формами идентичности заключается в разном характере субъектов, которые эти идентичности выражают: индивид или социальная группа может быть носителем государственной или национальной идентичности, в то время как конституционная идентичность государства принадлежит самому государству.

Идентичность государства в рамках конституции не является неизменной. Её эволюция зависит от модификаций в любом из ее компонентов. Эти изменения могут происходить как под внешним давлением, так и по собственной инициативе государства, или же могут носить комбинированный характер, когда происходят сознательные и реагирующие преобразования. Например, за последние пять лет наблюдалось стремление к реформации конституций в ряде стран, включая Албанию, Австрию, Бразилию, Грузию, Грецию, Индию, Казахстан, Коста-Рику, Перу, Россию, Эквадор и другие. В начале XXI века процесс конституционных изменений отличается высокой скоростью и разнообразием целей, к которым стремятся, а также поляризацией в вопросах и содержании реформ. Инициативы, возникающие как со стороны граждан, так и со стороны государственных органов, влияют на конституционную идентичность страны, закрепляя или модифицируя ее основные политические, социальные, экономические и культурные принципы. Обычно, процесс внесения изменений в конституцию представляет собой суверенное действие

государства, что подразумевает, что любая последующая трансформация является добровольной. Однако, если такие изменения вызваны внешними обстоятельствами, например, реальной угрозой инвазии, подрывом основ государственного строя, оборонной способности страны или необходимостью выполнения международных обязательств, следует признать эти действия принудительными. В таком контексте, трансформация конституционной идентичности будет рассматриваться как вынужденная.

Трансформация идентичности в контексте конституционных изменений часто отражает сложную динамику общественных процессов, где внешне представленные как добровольные корректировки могут на самом деле быть реакцией на необходимость разрешения внутренних или внешних конфликтов. Так, примером сознательно-реагирующего вида изменений может служить корректировка конституционного устройства не с целью выполнения международных требований, а в интересах обхода таковых с прицелом на защиту национальных приоритетов и конституционно закрепленных ценностей. Аналогично пересмотр государственной политики в области национальных вопросов или миграции может быть представлен как инициатива, исходящая из волеизъявления страны (то есть, добровольная), однако на самом деле быть ответом на скрытые межэтнические напряженности или давление международного сообщества. В таких случаях, изменения выступают как принудительный, но оперативный ответ на социальные вызовы.

Также стоит подчеркнуть, что изменения в конституционной идентичности могут быть как преднамеренными, так и непредвиденными. В рамках его эволюционного развития, конституционная идентичность постоянно формируется через текущую политическую динамику, затрагивая все уровни государственного управления и общество в целом. Трансформация идентичности через продуманную политическую стратегию приводит к созданию определенного правового и политического уклада. Не всегда такая трансформированная конституционная идентичность находит однозначное восприятие среди граждан страны и её международных союзников. Главное, чтобы представляемая конституционная идентичность была аутентичной. Теория предусматривает, как уже упоминалось, возможность интерпретации конституционной идентичности как определенной модели, к достижению которой стремится государство [12].

Внезапные изменения в идентичности часто являются реакцией на различные внешние и внутренние стимулы, как явные, так и скрытые. Даже малейшее воздействие может запустить процесс, который в итоге приведет к глубокой трансформации идентичности в широком смысле, подобно тому, как малейшее движение может вызвать значительные последствия согласно теории «эффекта бабочки». Например, пандемия COVID-19 выступила как наглядный и непосредственный стимул, заставивший страны пересмотреть

свои подходы, адаптироваться и внести коррективы в привычные методы государственного управления. В то же время отдельные научные достижения, такие как изобретение колеса, автоматизация процессов, создание электронно-вычислительных устройств и распространение интернета, могут проявить свое влияние на конституционную идентичность только после того, как они в полной мере интегрируются в ткань общества и станут движущей силой технического развития.

Учитывая сложность и обширность влияющих факторов, полный список которых учесть невозможно из-за их огромного количества и разнообразия, в том числе скрытых, можно выделить некоторые ключевые вызовы современности, такие как глобализация, интеграция, антиглобализация, переход к цифровой экономике и различные глобальные кризисы, влияющие на материальное и идентичное бытие государств [8].

Конституция Российской Федерации, в качестве основополагающего документа, принимая во внимание многонациональный состав населения страны, стремится к интеграции в международное сообщество, как это отражено в ее преамбуле. Она подчеркивает свою открытость и приверженность международному праву, включая признание важности и гарантирование прав человека не только на основании внутренних, но и международных норм. Это также подтверждается предоставлением возможности обращаться в международные судебные и правозащитные институты.

Интерпретируя вторую часть 4-й статьи 15-й главы Конституции РФ («в случае, когда международный договор Российской Федерации устанавливает правила, отличающиеся от тех, что закреплены в национальном законодательстве, предпочтение отдается положениям международного договора») в контексте единства с первой частью той же статьи («Конституция Российской Федерации обладает наивысшей юридической силой, непосредственно действует и обязательна к применению на всей территории РФ. Законы и другие нормативные акты, выпущенные в РФ, должны соответствовать Конституции РФ»), то становится очевидным, что в рамках принятой Конституцией монистической концепции международное право занимает особое место в структуре внутригосударственного права, обеспечивая себе приоритет перед национальными законами и иными нормативными актами, однако уступая в иерархии Конституции РФ. Такой подход, признающий превосходство Конституции России, обычно обозначается как монизм с доминированием Конституции. В этой логике международно-правовые нормы имеют статус, находящийся непосредственно под Конституцией, и не могут ей противоречить¹.

¹ О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372270/ (дата обращения: 12.03.2024).

Конституционный Суд Российской Федерации придерживается иерархического принципа, согласно которому Конституция РФ занимает непререкаемый приоритет и верховенство перед международным правом. В процессе реализации международных договоров необходимо обеспечить их соответствие основному закону страны. В рамках российской правовой системы, основывающейся на превосходстве Конституции, нормы международного договора, которые вступают в противоречие с ее статьями, не могут быть применены. Такой подход был бы в разрез с конституционными принципами демократии и суверенитета России, а также с требованиями ч. 1 ст. 15 Конституции, указывающей на необходимость соответствия всех принимаемых в стране правовых актов ее Конституции¹. Следовательно, международные договоры имеют более высокую юридическую силу, чем федеральные законы, но не равную или выше, чем сила Конституции РФ. Аналогичный принцип распространяется и на решения международных организаций, включая судебные и квазисудебные инстанции, которые не могут отменять верховенство Конституции РФ в российской правовой системе. Поэтому, согласно чч. 1 и 4 ст. 15 Конституции, они должны реализовываться на основе признания высшей юридической силы именно Конституции РФ внутри страны. В итоге, ни международные договоры, ни решения международных органов не могут подменить приоритет Конституции РФ и, следовательно, их реализация возможна только при учете ее доминирующего статуса.

Хотя Конституционный Суд РФ преимущественно придерживается строгой иерархии, в которой национальное законодательство занимает верхнюю ступень, он все же допускает возможность более гибкого подхода к решениям международных институтов. Суд подчеркивает, что эффективное сотрудничество между европейским и российским правовыми системами не может строиться на принципе подчинения одной системы другой, утверждая, что только через диалог между различными правовыми традициями можно достичь их гармоничного соотношения. Суд выражает стремление избегать значительных препятствий во взаимоотношениях с международными структурами и проявляет открытость к нахождению законных путей компромисса для укрепления сотрудничества, обещая прибегать к «праву на возражение» лишь в исключительных случаях, целью которого является не изоляция от международных решений, отражающих общее согласие участников, а стремление к построению продуктивного взаимодействия и уважения к диалогу. Однако Суд оставляет за собой право определять меру своей готовности к такому функциональному подходу, исходя из тех границ компромисса, которые устанавливает Конституция Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.03.2024).

Обеспечение устойчивости конституционной самобытности выполняют органы, ответственные за конституционный надзор, и оно осуществляется в двух направлениях: во-первых, предотвращение нарушений конституционной самобытности, что подразумевает профилактические действия для предотвращения вступления в действие международных соглашений, конфликтующих с ключевыми аспектами конституционной самобытности; во-вторых, оборона этой самобытности, имеющая последовательный характер, ориентирована на наказание и восстановление и заключается в аннулировании действия положений международных соглашений, которые уже вступили в силу, и в признании решений международных органов, как конфликтующих с ключевыми элементами конституционной самобытности [4, с. 105].

Органы, ответственные за контроль за соблюдением Конституции, располагают рядом инструментов для обеспечения сохранности конституционной идентичности. Эти инструменты они могут применять в рамках своих обычных или особых полномочий. В их арсенале чаще всего встречаются возможности проведения как предварительной, так и последующей проверки соответствия международных договоров основным законам страны, а также оценка реализуемости решений, принятых международными учреждениями.

Заключение и вывод

Таким образом, в ходе данного исследования был проведен анализ процесса адаптации конституционной идентичности государств к современным вызовам. Было выявлено, что изменение конституционной идентичности происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, включая политическую динамику и международное давление. Рассмотрение различных конституционных реформ показало многообразие подходов к адаптации, подчеркнув значимость учета национального контекста и необходимость сохранения аутентичности конституционной идентичности в условиях глобальных изменений.

Особое внимание было уделено дифференциации между терминами «конституционная идентичность» и «идентичность конституции», что позволило более четко определить предмет исследования и подходы к его анализу. Проведенное исследование подтвердило, что гибкость и открытость к диалогу в правовой системе, а также стремление к продуктивному взаимодействию с международными институтами являются ключевыми факторами успешной адаптации конституционной идентичности к новым реалиям.

В заключение, результаты данного исследования подчеркивают важность продолжения анализа эволюции конституционной идентичности на фоне постоянно меняющегося мира. Оно указывает на необходимость дальнейшего изучения механизмов и стратегий адаптации, которые могут способствовать укреплению устойчивости и гибкости национальных конституционных систем в ответ на глобальные и локальные вызовы.

Список источников

1. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.
2. Бризкун К. А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 11–119.
3. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
4. Вайман А. Б. К вопросу о конституционном контроле в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 103–106.
5. Вайпан Г. В., Маслов А. С. От догматики к прагматике: постановление Конституционного Суда РФ по делу Маркина в контексте современных подходов к соотношению международного и национального права // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 127–137.
6. Герасимова И. А., Ивахнов В. Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис plus. 2017. Т. 11, № 2. С. 66–76.
7. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 52–64.
8. Губарьков С. В., Вишневская А. А., Емельюшкина Э. Е. Цифровая глобализация как новый этап развития мировой экономики // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. № 2. С. 132–142.
9. Закирьянова И. А. Проблема этнокультурной идентичности в теории психосоциального развития Э. Эриксона // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 86–89.
10. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России : монография. Москва : ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
11. Троицкая А., Храмова Т. Экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 54–79. DOI: 10.21128/18127126-2018-1-54-79
12. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21–49.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 23.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.